

УДК 321.01 (575.2) (04)

## К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

*В.Н. Ушаков* – соискатель

---

The problem of the Islamic state formation in the Central Asian region was considered in this article.

Будущая перспектива возможного перехода некоторых мусульманских государств к исламской форме правления стала предметом научных и общественных дискуссий, особенно после иранской революции, как феномена исламского возрождения. Существует мнение, что политический ислам в наше время является естественной альтернативой на глубокий кризис в политической, социальной, экономической сферах, переживаемых странами третьего мира, обусловленный также внешними факторами, глобализацией, изменением геополитического баланса, модернизацией и т.д. Как утверждает Бернар Льюис, чтобы понять хотя бы отчасти то, что произошло в мусульманском мире в прошлом и происходит сейчас, мы должны признать, что религиозный фактор является общим и центральным элементом в жизни мусульманских народов. В отличие от других важнейших мировых религий "ислам со времен его основания отождествлялся с государством, и уверенность в единстве государства и религии накрепко вошла в память и сознание верующих мусульман из их священного писания, истории и опыта". Следует отметить, что последняя мусульманская империя (халифат) в лице мультинациональной Османской Порты перестала существовать всего лишь в прошлом веке, оставив не только свежий след в памяти истории ислама, но и громадный идеологический потенциал, который влияет и будет влиять на новые поколения мусульман мира. Не удивительно, что боль-

шинство значительных политических и социальных движений в новейшей истории мусульманских стран считают ислам как объединяющую и мотивирующую силу.

И ранние, и современные исламские движения и политические партии, такие как Хизб ут Тахрир в Центральной Азии и другие призывают к возрождению исламской формы правления, поскольку мусульманское общество утратило внутреннюю организованность, что объясняется отходом мусульман от истинно исламских верований и практики. Ранние сторонники реформ также отказывались от слепого следования традициям и подчеркивали, что для социального и морального возрождения исламского общества необходимы политические действия и гражданская активность. Эти тезисы были приняты и развиты сторонниками современных движений за возрождение ислама<sup>1</sup>.

Предлагая формулу религиозной легитимации по отношению к западному секуляризму и принцип социальной справедливости в противовес экономическому неравенству, а также религиозно санкционируя воинские доблесть и честь, "ислам как бы предоставляет практическую политическую альтернативу, надежную духовную нишу и психологический

---

<sup>1</sup> *Ahmed, Ishtiaq*. The Concept of an Islamic State: An Analysis of the Ideological Controversy in Pakistan. – New York: St. Martin's Press, 1987. – P 190–201.

якорь в беспокойном сегодняшнем мире". Как пишет У.К. Смит, "...в новейшей истории практически любое исламское движение в любой части мусульманского мира основывалось на протесте как против внутреннего упадка, так и против внешней угрозы исламу". Рассматривая данный феномен в качестве альтернативы секуляризации и доминирования Запада в мусульманском мире, а также как реакцию на кризис лидерства у мусульман, следует отметить, что образование государства на основе шариата – нормальное и здоровое явление, поскольку оно отвечает их запросам. Нет ничего удивительного в том, что мусульмане республик Центральной Азии хотят утвердить права на самоопределение на собственную веру и традиции. Основная концепция и задача современного исламского возрождения, таким образом, – утверждение права на самоопределение. Но право на самоопределение индивида или коллектива ограничивается правом на самоопределение других индивидов или коллективов. Это характерно для публичной жизни, где взаимопротиворечащие права на самоопределение с высокой долей вероятности вступают в конфликт, требующий посредничества и примирения.

Рассматривая исламскую форму правления, которая руководствуется законами шариата, необходимо обратить внимание на то, что шариатские правоведы не видели различия между частным и публичным правом. Как объясняет Джозеф Шахт, различие, которое делали ранние мусульманские правоведы, между "правами Аллаха" и "правами людей" не имеют ничего общего с делением на публичное и частное право. На деле, публичное право традиционно было и остается наименее разработанным разделом шариата.

В данном случае использование исламскими правоведом при разработке современных систем исламского управления работ ранних и "классических" мусульманских ученых по конституционному устройству и политике, которые иногда называют исламской политической теорией или исламской политической мыслью, может привести к нежелательным результатам. Дело в том, что они жили во времена упадка власти династии Аббасидов в XI–XII вв., когда не было строгого применения

шариата, когда нужно было сохранить единство и безопасность мусульман в этой крайне нестабильной политической обстановке.

Именно этими условиями Ал-Маварди, например, оправдывал необходимость в силовой узурпации власти в провинциях, хотя и признавал, что это противоречит требованиям шариата. А.Р. Гибб считает, что: "Оправдывая неуважение к закону на основании политической необходимости и целесообразности, Ал-Маварди в сущности признает, что в определенных условиях силе можно придать обличье права. Но если допустить такое хоть один раз, распадается вся постройка юридической системы"<sup>1</sup>.

Сделать поправку на реалии современного мусульманского мира были вынуждены не только Ал-Маварди, но и многие другие ученые, снижая тональность некоторых положений шариата для того, чтобы они, на их взгляд, более или менее отвечали интересам мусульманского общества.

Некоторые ученые, напротив, игнорировали реальность и строили теоретические модели чисто идеальной ситуации, исходя из того, как все должно было быть. Наиболее ярким представителем подобного подхода является Ибн Таймийа.

Отказ от шариата психологически можно объяснить стремлением мусульман сохранить его в неприкосновенности хотя бы в теории. Как пишет Андерсон, "для мусульманина всегда большим грехом считалось отрицать божественное откровение или сомневаться в нем, чем не повиноваться ему. Поэтому они предпочитали произносить ничего не значащие слова о неприкосновенном шариате, как о единственном и высшем законе, и одновременно оправдывать отказ от большинства его положений на практике ссылками на дарура (необходимость), чем пытаться адаптировать шариат к условиям и потребностям современной жизни"<sup>2</sup>.

Требования некоторых представителей политически активной части мусульманских

<sup>1</sup> *Arhold T.W.* The Caliphate. – New Yprk: Bames and Noble, 1966. – P. 13.

<sup>2</sup> *Anderson James Norman D.* Law Reform in the Muslim World. – London: University of London, Athlone Press, 1976. – P. 467–469.

лидеров о возрождении ислама в Центральноазиатском регионе свидетельствует о том, что многих мусульман уже не удовлетворяет эта логика необходимости. Сторонники шариата утверждают, что вообще нет никакой необходимости отступать от требований современной жизни.

Одним из основных факторов, обуславливающих необходимость адаптировать исламское право к современным условиям, является реальность современного национального государства. Считают, что теоретически применение шариата универсально во всем мусульманском мире, поскольку мусульмане исповедуют одну религию. Однако сегодня существуют отдельные национальные государства мусульманских народов, которые в ближайшем будущем не исчезнут. Эта форма политической организации, которая установилась в мусульманском мире после европейского колониального завоевания в конце XIX – начале XX вв. привнесла в регион и свои собственные властные структуры и правовые концепции. Поскольку концепция национального государства не является результатом развития собственного исторического опыта или культурных традиций мусульманских народов, им сложно принять эту концепцию и применить ее на практике. Подобно другим народам Азии и Африки, мусульманские народы Центральной Азии должны пройти долгий путь, прежде чем они смогут полностью реализовать структуры и институты национальных государств. Поскольку исламское возрождение стало всеобъемлющим и устойчивым движением, национальные государства должны быть легитимизированы в рамках ислама и его принципы должны соответствовать принципам исламской законности. Другими словами, если установление национального государства сопровождалось значительной секуляризацией законодательства, то резко возросшее влияние ислама в общественной жизни многих мусульманских государств требует правовой исламизации национального государства или, по меньшей мере, его примирения в будущем с законами ислама.

Из отмеченного выше следуют два противоречащих друг другу вывода о возможности в будущем изменить публичное право мусуль-

манских государств: во-первых, это требование верующих мусульман восстановить шариат в публичном праве и, во-вторых, адаптировать шариат к условиям и потребностям современной жизни<sup>1</sup>.

Таким образом, мы сталкиваемся сегодня со стремлением мусульман к самоопределению на основе применения исламского права в общественной жизни. Однако таким исламским правом, видимо, шариат в той форме, в какой он существует сегодня, стать не может. Единственным способом примирить эти два противоречащие друг другу требования перемен в публичном праве мусульманских стран может быть разработка некой версии исламского публичного права, которая соответствовала бы современным конституционным стандартам, уголовному праву, международному праву и правам человека.

Исламское возрождение и реформа – постоянные темы в мусульманской истории. В частности, еще с середины XIX в. мусульманские ученые предлагали собственные модели современного исламского государства – реализации права мусульман на самоопределение. Поэтому важно правильно понять эти "современные" модели и оценить их задачи, методы и достигнутые результаты.

Для этого достаточно выделить самые основные параметры, имеющие отношение к задачам и методам современных сторонников шариатского подхода к публичному праву. При этом, чтобы оценить значение этих реформ для публичного права, нужно учитывать их реальный социальный и политический контекст.

Рассмотрим попытку построения исламского государства в его классическом варианте в Афганистане, а также на бывшей территории СССР (в Чечне и Дагестане), которая окончилась провалом и объективно показала не только роль человеческого фактора в трактовке и практическом применении шариата, но также опасность возникновения очагов нестабильности. Само установление власти и применение норм шариата носило жесткий, милитарист-

<sup>1</sup> *Ali Sayed Ameer. The Spirit of Islam. – London: Christophers, 1922. Amnesty International Newsletter. – Vol. 16. – № 11, November, 1986. – P. 20.*

ский характер, обусловленный влиянием внешних и внутренних факторов, что повлияло на практическое применение и нарушение самих фундаментов шариата. Внутренними факторами можно назвать и культурную дифференциацию, неподготовленность масс к принятию данной формы исламского правления, что в итоге привело к децентрализации и тоталитарно-радикальному характеру шариатского правления.

Теоретически рассматривая возможность появления в будущем исламской формы правления в Центральной Азии, необходимо остановиться на внутренних и внешних факторах общего развития ислама и кризиса власти в республиках Центральной Азии<sup>1</sup>:

Страны Центральной Азии стали ареной новой "большой игры", в которую вовлечены не только великие державы, но и региональные "центры силы" среднего уровня. Если в XIX – начале XX в. в них были заинтересованы Российская и Британская империи, то в настоящее время – Россия, США, Китай, Турция, Иран, Индия, Пакистан, Саудовская Аравия и, конечно же, в той или иной мере европейские страны.

Центральная Азия, на протяжении нескольких веков неоднократно менявшая свое историческое "ампула" от оживленного перекрестка торговых путей и национальных интересов различных государств до тихих заворок великих империй, вновь оказалась в центре событий мирового масштаба. Разворачивающаяся острая борьба – отражение не только новых глобальных реалий, но и нерешенных местных проблем. В ней переплелись амбиции новых заокеанских "игроков" и традиционное соперничество региональных держав. Особенность данного региона такова, что при негативном развитии событий он может стать одним из самых крупных детонаторов нестабильности во всем мире.

В настоящее время для государств Центральной Азии актуальной является социально-политическая и культурная, а также этническая консолидации. Многие проблемы межэтнических и межрелигиозных отношений, су-

ществовавшие до советского периода, не были разрешены в результате образования советских республик в Центральноазиатском регионе на базе основных крупных этносов. Имеются различия и на религиозной почве, даже среди абсолютно преобладающего по численности мусульманского населения.

Национально-государственное строительство, начатое после установления советской власти, но не доведенное до конца, – главная причина невиданного обострения территориально-этнических притязаний и конфликтов на постсоветском пространстве. После распада СССР и разрушения советской системы власти сложный процесс становления национальной государственности породил новые противоречия как между различными этническими группами, так и внутри них.

При всех различиях культур в Центральной Азии можно выделить культуру оседлых земледельцев и культуру кочевников-скотоводов.

В местах проживания оседлого населения исламские традиции имеют тысячелетнюю историю и "религиозный архетип", наиболее характерный для массового сознания жителей, на территориях евразийских степей сложились традиции кочевника-скотовода, куда ислам пришел значительно позже. До советского периода политико-культурная структура Центральной Азии уравнивалась экономическими связями оседлого и кочевого населения в рамках региона.

Исламское возрождение в Центральной Азии нельзя считать абсолютно уникальным явлением, характерным только для региона. В конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия подобное явление происходило и на Ближнем Востоке, и в других регионах мира, где можно наблюдать повышение роли исламского фактора в политических процессах. Таким образом, исламское возрождение в Центральной Азии – это часть единого процесса, происходящего в странах Востока.

Возможно, что в перспективе при определенных обстоятельствах движения и политические силы, делающие ставку на ортодоксальный ислам, смогут стать реальной силой, способной оказать влияние на общественно-политическую ситуацию в отдельной стране,

<sup>1</sup> *Gibb, H. A. R. The Arab Conquests in Central Asia. – London: Royal Asiatic Society, 1923. – P. 68.*

но вряд ли исламисты смогут доминировать в регионе.

Повышение роли политического ислама в Центральной Азии – очевидный факт. Причем можно говорить о вполне самостоятельном движении. На начальном этапе становления новых независимых государств Центральной Азии практически все политические деятели стремились показать свою приверженность исламской традиции, как части той или иной национальной культуры. Это осуществлялось, в частности, с целью получить поддержку соответствующего населения республики в интересах сохранения власти или борьбы за нее.

Исламские движения Центральной Азии, резко включившись в политическую жизнь, стали противоречить самому духу ислама как религии. В настоящее время не существует устойчивого баланса, поэтому вероятность всякого рода «эксцессов» сохраняется, тем более, что присутствие внешнего фактора налицо.

Исламский ренессанс идет параллельно или соприкасается с этнической мобилизацией, а значит, прямо или косвенно стимулируется на официальном уровне с целью формирования и укрепления национальной государственности и идентичности, но не ясно, как это реализуется на практике. Ведь даже в прошлом ислам не был основным консолидирующим фактором внутри Центральноазиатского региона: национальное, племенное и родовое различие, политическая и экономическая составляющая определяли процесс консолидации.

При определенных обстоятельствах исламское возрождение, как официальная идеология, может быть использована и для отвлечения общества от проблем, которые власть должна решать в сферах государственного и экономического развития стран Центральной Азии.

Ислам может быть использован как мобилизационный фактор: в случае резкого паде-

ния уровня жизни, определенная часть населения в поисках выхода из кризиса может обратиться к идущим от ислама идеям общественного устройства.

Таким образом, опыт прошедшего десятилетия показывает, что существующие в Центральной Азии этнотерриториальные и религиозные проблемы, не находя подчас адекватных решений, существенно снижают уровень взаимного доверия в регионе и могут стать катализатором нестабильности. Для Центральноазиатского региона характерны конфликтные ситуации, связанные с ведением хозяйства (дефицит воды и обрабатываемой земли), вопросы границ и пр.

Разумеется, нельзя забывать и о внешнем влиянии, которое далеко не всегда носит позитивный характер. В частности, заинтересованность ряда мусульманских государств и фондов в переносе на территорию Центральной Азии собственных, далеко не идеальных, моделей развития.

И, наконец, серьезная дестабилизация возможна в случае ухода тех или иных политических лидеров, чья авторитарная власть ныне поддерживает стабильность. В отсутствие отработанных механизмов смены руководства и при наличии межклановых и межрегиональных противоречий, государства региона не застрахованы от внутривнутриполитических потрясений. Внутренние и внешние факторы в настоящее время выступают в качестве естественных преград при образовании исламского государства, а в будущем могут перейти в основные.

Реалии современного мира требуют объективного и взвешенного анализа религиозной ситуации, так как религиозные чувства могут стать оружием, если их начинают использовать в политической борьбе, произвольно трактуя духовные основы и важнейшие ценности той или иной религии.